



Археологический СБОРНИК



Погребальный обряд



Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 93



Археологический СБОРНИК



Погребальный обряд

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
И.В. Белоцерковская

Москва
1997

Е.Е. Филиппова

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И ИХ МЕСТО В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРАСУКСКИХ ПЛЕМЕН

Среди широкого круга археологических памятников, находящихся в поле зрения ученых, наиболее яркими и сложными источниками являются наскальные изображения. Как показывают исследования последних лет (1), они распространены по всей территории нашей страны и образуют отдельные регионы скопления, отличающиеся по принадлежности к различным хронологическим периодам, по стилю, способам и манере изображения и по функциональному назначению.

Из этих памятников особый интерес представляют петроглифы, изредка находимые в погребальных комплексах, связанные с погребальным обрядом и игравшие определенную роль в идеологических представлениях древних племен (2. С. 216–218; 3. С. 69–71).

К подобным памятникам можно отнести и плиты с изображениями из могильника Хара хая. Этот памятник, расположенный в долине р. Аскиз, в юго-западной части Хакасско-Минусинской котловины и исследованный в конце 50-х – начале 70-х годов (4. С. 170–188; 5. С. 243–244; 6. С. 228–229), принадлежит к могильникам карасукской эпохи Среднего Енисея. Он выделяется значительным количеством погребений (около 150), своеобразием погребального инвентаря, устройством и расположением погребений. Эти особенности дали возможность выявить синтез нескольких культурных традиций (андроновской, алакульской и собственно карасукской), участвовавших в процессе сложения карасукской культуры этого региона, предполагать существование больших патриархальных семей, основу которых составляет парная семья, и датировать могильник XIII–X вв. до н. э. (4. С. 186–188; 7. С. 53–64, 176–178; 8. С. 85–102).

Однако самые уникальные находки в могильнике Хара хая относятся к полевому сезону 1972 г., когда на разбитых плитах покрытия и на северо-восточной стенке одного из каменных ящиков были обнаружены изображения различных типов колесниц, повозки, человека, диких и домашних животных (9. С. 49–50), исследованию которых и посвящена настоящая статья.

Каменный ящик находился в центральной оградке значительной площади (15 кв. м) и имел несколько пристроенных оградок с погребениями взрослых и детей. В центральном погребении оказались разрозненные кости мужского скелета, две бронзовые трубочки-пронизки и кости крупного рогатого скота. По определению антропологов, погребенный мужчина, 30–40-летнего возраста, имел на черепе следы многочисленных ранений, одно из которых явилось причиной его смерти (10).

Все внутреннее пространство этой оградки заполнял массивный слой разбитых каменных плит, но особенно значительное их скопление наблюдалось в северо-восточной и юго-западной частях. Каменные плиты были покрыты пустынным загаром, а изображения были выполнены в технике точечного выбивания, иногда с последующей проработкой резцом. Большинство плит с изображениями находилось на поверхности земли и только две – под землей.

Следует отметить, что изображения на плитах отличались друг от друга не только своим местоположением, но и сюжетом, композицией рисунков, а также размерами и степенью сохранности. Это дает возможность подробно остановиться на описании каждой из них (при этом нумерация плит отражает очередьность их обнаружения).



Рис. 1. Общий вид плиты I

Плиты I и II были открыты сразу под дерном, над северо-восточной стенкой ящика. На плите I (размеры 1x0,65 м, толщина 3–4 см) оказались изображения двух колесниц, лошади, животного и неопределенных предметов, которые расположены в верхней части композиции, тогда как нижнюю составляли две колесницы и фигура лошади (рис. 1).

Наибольший интерес представляет композиция с колесницами (рис. 2). Они показаны в плане, т. е. как бы развернуты на плоскости, имеют по два спицевых колеса, платформу, при этом каждая из них отличается еще и рядом конструктивных особенностей.

Так, платформа одной, верхней колесницы поражает своей сложной конструкцией — это необычное сооружение под четырехугольной формой с десятью центральными и четырьмя боковыми отсеками. Оно расположено по центру колесной оси и размерами превосходит небольшие окружные колеса, закрепленные на концах колесной оси. Колеса спицевые, в од-

ном — 4 спицы, а в другом — 6 спиц. От платформы отходит очень длинное дышло с небольшим (для маневренности?) выступом в центре. Оно соединено с ярмом при помощи треугольной конструкции и немного выступает за его пределы. Ярмо заканчивается небольшими загнутыми в сторону колесницы утолщениями, на которых укреплены небольшие хомутики Г-образной формы, развернутые в противоположные стороны.

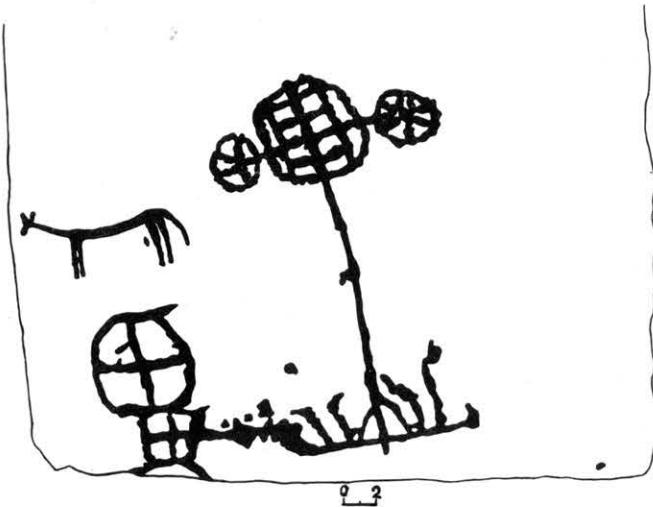


Рис. 2. Композиция с колесницей и лошадью с плиты I

Другая, нижняя колесница соединена с первой при помощи короткого дышла. У нее небольшая квадратная платформа с 4 отсеками и два больших четырехспицевых колеса (к сожалению, от изображения правого колеса сохранилась только часть обода). Между этими колесницами находится лошадь в левом развороте. Ее длинное туловище опирается на четыре прямые тонкие ноги (при этом передние несколько короче задних), у нее несколько утяженный круп и длинный, слегка изогнутый хвост. У задних ног показан половой знак самки. Длинная тонкая шея завершается небольшой головкой с парой маленьких круглых ушей.

В верхней части плиты, на некотором расстоянии от первой колесницы изображено животное неопределенной породы с короткой пушистой шерстью. Его длинное массивное туловище переходит в короткие толстые ноги и завершается с одной стороны немногим загнутым пушистым хвостом, а с другой — опущенной вниз головой. Животное показано в правом развороте (см. рис. 1).

На плите II (0,9x0,4 м, толщина 1,5–3 см) изображено животное с пушистой шерстью, длинным тонким хвостом с небольшим утол-

щением (кисточкой?) на конце, с четырьмя массивными короткими ногами, отвислым животом и фаллосом (рис. 3).

Рядом с этими плитами была найдена плита III ($0,4 \times 0,1$ м, толщина 2 см). На ней оказались неясные изображения и две ямки*.

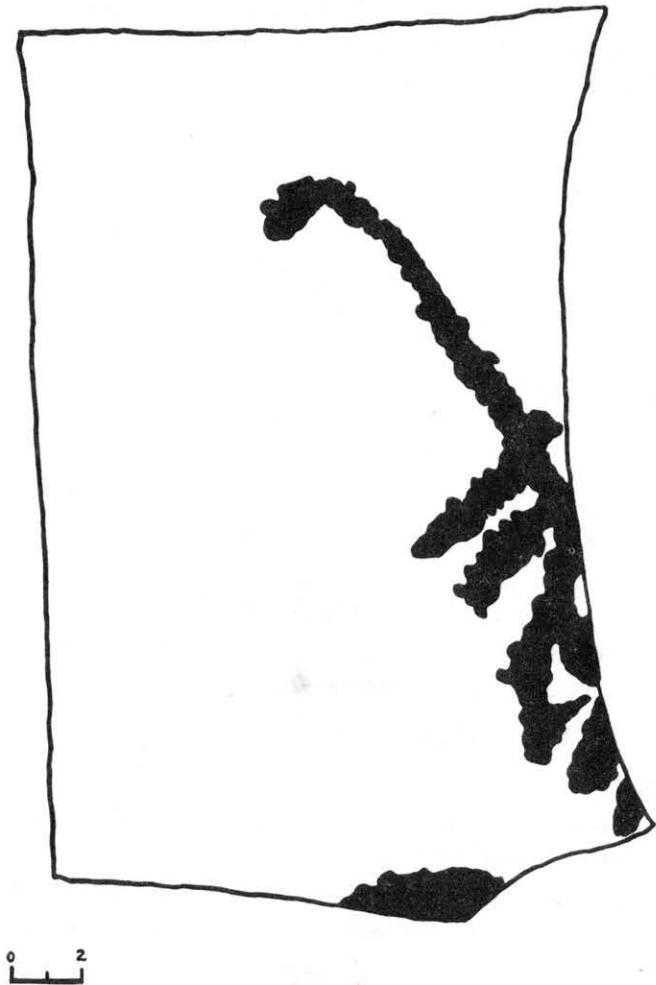


Рис. 3. Общий вид плиты II

Плита IV – единственная, которая находилась под землей, что было обусловлено ее функциональным назначением (торцовая стенка каменного ящика), дала изображения колесницы, лошадей, козлика, замкнутого пространства и многочисленных линий. Исследованию этой плиты посвящена отдельная статья (11. С. 166–168).

На плитах V, VI, VII и XIV (сложенные воедино общим размером $0,5 \times 0,3$ м, толщиной 2,5 см), найденных у северо-восточной и северо-западной стенок ящика, выявлены две композиции: первая – две лошади и собака, вторая – крытая повозка и животное кошачьей породы (рис. 4).

Лошади (самец и самка) расположены друг над другом (вверху самка, внизу самец) и показаны в правом развороте. У них длинные туловища, по четыре короткие массивные ноги, длинные, опущенные вниз хвосты, толстые короткие шеи с небольшими головками и двумя торчащими ушами (округлыми у кобылы и острыми у жеребца). Над ними в левом развороте выбито изображение небольшой собаки с выгнутым туловищем, четырьмя короткими ногами, длинным пушистым хвостом, небольшой головой с острыми ушками и массивной нижней частью морды (возможно, так переда-

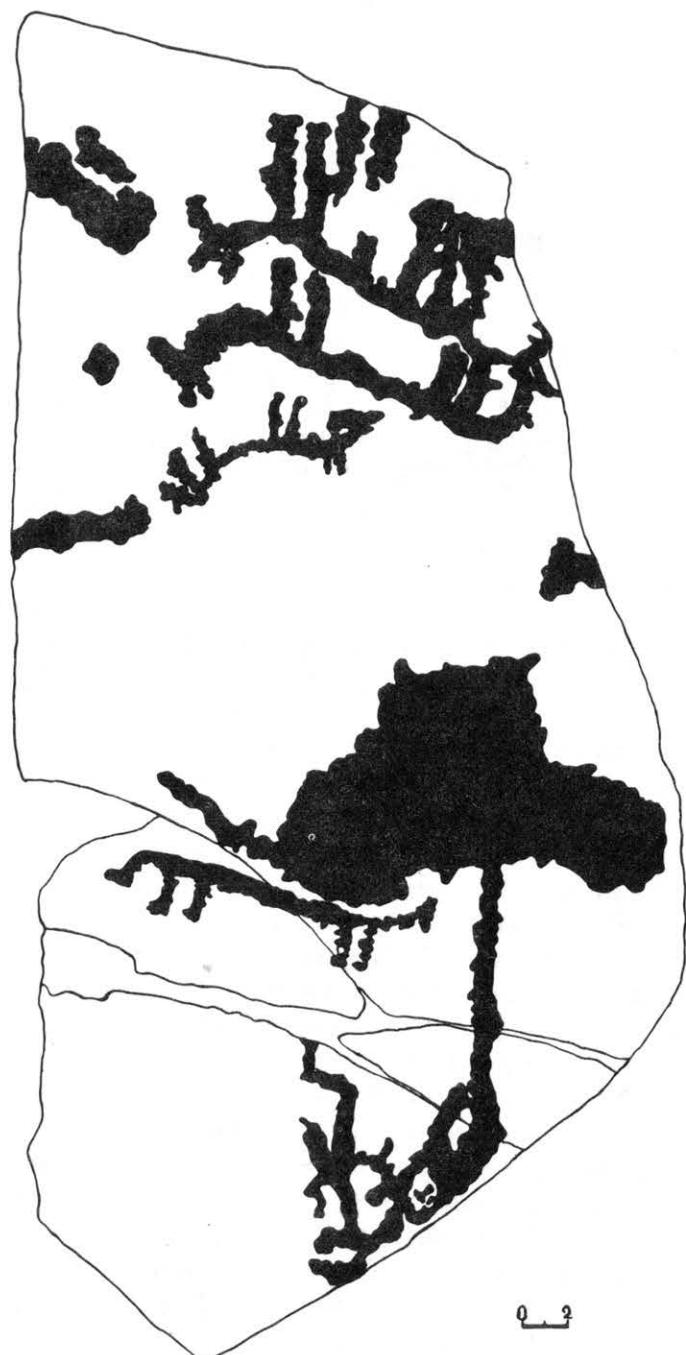


Рис. 4. Общий вид плит V, VI, VII, XIV

* Мы не помещаем рисунки плит с непонятными изображениями.

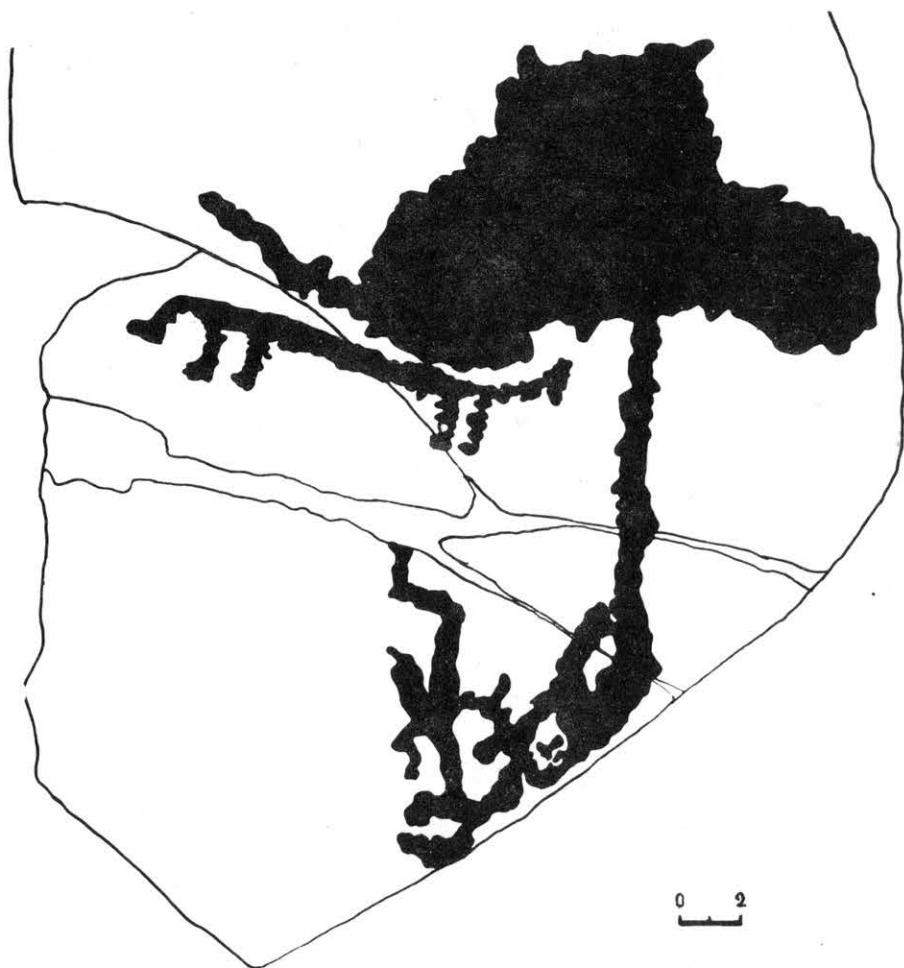


Рис. 5. Композиция с повозкой
с плит V, VI, VII, XIV

на раскрытая пасть собаки). На небольшом расстоянии от этой композиции выбито изображение крытой повозки, развернутой в противоположную сторону, и животного (рис. 5). У повозки большой квадратный кузов, в верхней части которого выделяются два небольших выступа (возможно, острия шестов, на которые натянут полог), и два больших сплошных колеса: левое — круглой формы, а правое — овально-вытянутой. От последнего отходит небольшая волнистая линия. Повозка показана в профиль, поэтому крытый кузов расположен не по центру колесной оси, амещен в сторону и от него отходит короткое массивное дышло. Под левым колесом повозки изображено животное с небольшой головой подпрямоугольной формы вверху и вытянуто-треугольной внизу, на тонкой длинной шее, с длинным поджарым туловищем, четырьмя короткими массивными ногами с утолщениями на концах и коротким хвостом с кисточкой на конце.

Неясными оказались изображения на плите VIII ($0,5 \times 0,3$ м, толщина 2,5 см), которая находилась у северо-западной стенки ящика.

За пределами оградки, с юго-восточной ее стороны была найдена плита IX ($0,2 \times 0,3$ м, тол-

щина 2,5 см) с изображениями лошади и задней части массивного животного неопределенной породы (рис. 6). Оно напоминает особь с плиты I: тот же правый разворот, такое же массивное туловище, пушистый хвост и фаллос. Рядом с хвостом, в том же ракурсе передано изображение лошади. У нее небольшая головка с овальным ухом, слегка вытянутая морда, четыре ноги и фаллос. На голове выделяются два сultanчика грибообразной формы, на холке прослеживается небольшое утолщение, а в центре спины обозначено треугольное возвышение.

Сложная композиция, состоящая из колесницы, фигуры человека, козлика и ямок, представлена на плите X ($0,36 \times 0,28$ м, толщина 1,5 см), найденной в северо-западной части оградки (рис. 7).

Центральное место здесь занимает колесница с двумя платформами: они небольшого размера, овально-вытянутой формы и разделены на четыре отсека. Одна расположена по центру колесной оси, а другая выдвинута вперед и от нее отходит короткое дышло, которое оканчивается небольшим шарообразным выступом, слегка повернутым в правую сторону и

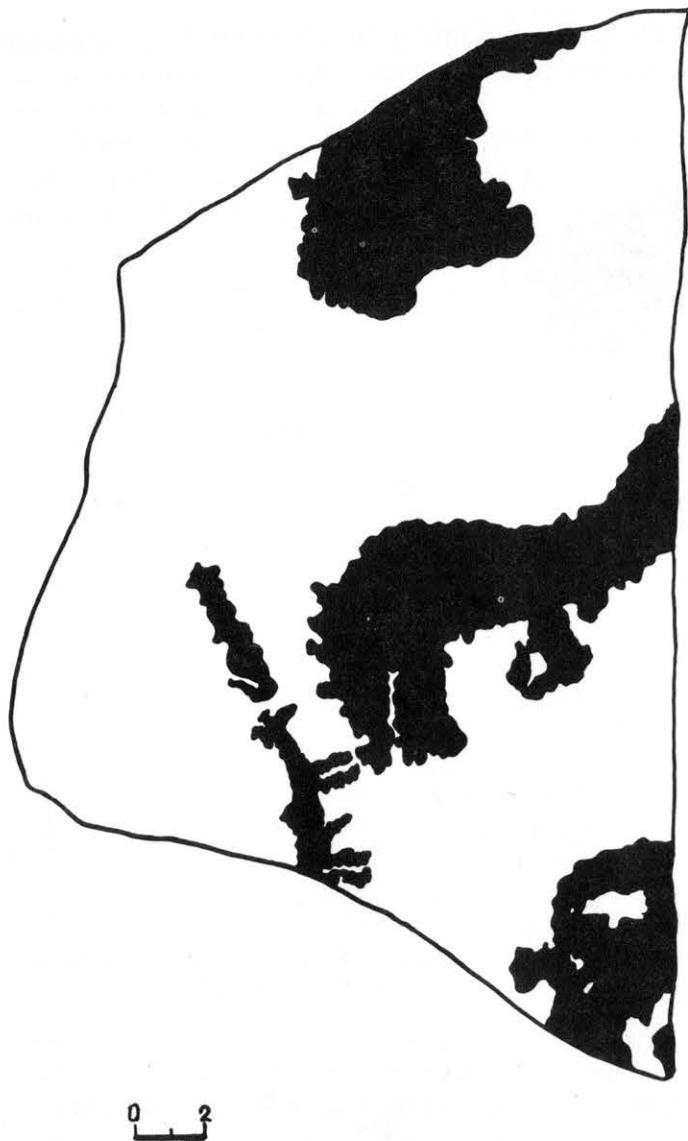


Рис. 6. Общий вид плиты IX

выходящим за пределы ярма. Последнее немножко выгнуто по отношению к дышлу, и на нем симметрично расположены два Г-образных хомутика. У пересечения дышла с ярмом имеются две короткие прямые параллельные линии (возможно, поврежденная треугольная конструкция?), при помощи которых соединялись дышло и ярмо (подобная конструкция четко представлена на колеснице с плиты I (см. рис. 1). С левой и правой сторон верхней платформы выбиты выгнуто-округлые линии, соединенные с ярмом. У этой колесницы два небольших круглых четырехспицевых колеса, расположенные с двух сторон нижней платформы.

Перед колесницей находится схематическое изображение антропоморфной фигуры с длинным туловищем и фаллосом, короткими нога-

ми, раскинутыми в разные стороны короткими руками и небольшим выступом на месте головы. В правой части плиты находится фигурка козлика в левом развороте, бегущего по направлению к колеснице. У него небольшая голова с бородкой, пара длинных, изогнутых в верхней части рогов и две короткие передние ножки.

На небольшой плите XI ($0,2 \times 0,1$ м, толщина 2,7 см) трудноразличимые изображения.

Основными изображениями на плите XII ($0,3 \times 0,1$ м, толщина 3 см), обнаруженной на глубине 0,5 м в юго-западной части каменного ящика, оказались 5 ямок диаметром 2–4 см, которые располагались вокруг животного неопределенной породы с длинным туловищем, тонкой шеей и парой передних ног (рис. 8).

Плита XV ($0,18 \times 0,1$ м, толщина 1,8 см) находилась у северо-западной стенки ящика. На ней оказались изображения двух расположенных друг над другом козликов (рис. 9). Эти животные показаны в движении. Их небольшие туловища опираются на длинные тонкие ноги и завершаются короткими выступающими хвостиками (у хвостика нижнего козлика есть два выступа). На небольших головах с треугольными мордами имеется по паре длинных, загибающихся к спине рожек. Признаки пола отсутствуют.

И наконец, на последней плите XVI ($0,2 \times 0,7$ м, толщина 1,4 см), найденной у северо-восточной стенки ящика, были выявлены всевозможные линии и углубления.

В целом описанные выше плиты из могильника Хара хая – это единый сложный комплекс изображений, отличающийся своей стилистикой, мотивами, техникой, функциональным назначением, разнообразием композиций, среди которых основное место принадлежит колесному транспорту – колесницам и повозке. Это и неудивительно, так как связанные, кроме того, единым погребальным комплексом данные изображения, без сомнения, относятся ко времени существования могильника Хара хая и, следовательно, также могут быть датированы XIII–X вв. до н. э., т. е. отнесены ко времени “культуры колесных повозок” (12. С. 18–25; 13. С. 75; 14. С. 140–159).

Харахайнские колесницы традиционно развернуты на плоскости, имеют по два спицевых колеса, дышловую упряжку, ярмо с хомутиками, платформы, разделенные на отсеки. Все они распряжены и находятся в состоянии покоя. Однако наряду с общими каждая из них имеет свои специфические черты, вероятно, связанные с их функциональным назначением.



Рис. 7. Общий вид плиты X

Так, не вызывает сомнения, что к разряду боевых относятся две первые колесницы, связанные общей композицией (см. рис. 1). Одна из них, нижняя, представляет собой классический пример боевой легкой колесницы, широко распространенной в III–II тысячелетиях до н. э. в Передней и Центральной Азии (15. С. 35–42; 16. С. 278–286; 17. С. 169–182; 18. С. 183–202), тогда как другая, верхняя, отличаясь необычным устройством платформы, вероятно, относится к какой-то особой разновидности боевых колесниц и пока не находит себе аналогий.

Колесница на рис. 7 в силу своих конструктивных особенностей (две платформы) вряд ли может быть отнесена к разряду боевых. Вероятно, она предназначена для определенных ритуальных действий, возможно, связанных с погребальным обрядом (19. С. 89–92). Аналогии ей также пока неизвестны.

И наконец, крытые повозки харабаинского типа встречаются и на петроглифах Хакасии (3. С. 76), и на скалах Средней и Центральной

Азии (20. С. 176–178; 21. С. 76–81; 12. С. 19–20; 14. С. 140–159, 161–165).

В целом колесный транспорт, представленный на плитах могильника Хара хая, отличается большим разнообразием и дает представление как о традиционных легких боевых колесницах и тяжелых повозках, так и о боевых колесницах особого назначения, и о ритуальных повозках, связанных с погребальным обрядом.

Создается впечатление, что с определенным ритуалом связано и изображение антропоморфной фигуры человека с раскинутыми руками. Так как наиболее близкие аналогии его изображению найдены на плите из Есинского похоронного памятника, связанного с культом мертвых (2. С. 216–218; 13. С. 67–71), то это дает возможность предполагать, что и на харабаинской плите изображен умерший, может быть, убитый и обезглавленный человек.

Среди харабаинских изображений определенное место занимают домашние животные: четыре лошади и собака. Изображение одной из лошадей, выполненное в традиционной точечной технике, но с дальнейшей проработкой резцом, выделяется изяществом форм и пропорций (см. рис. 1, 2). Она как бы “висит” над большим колесом легкой боевой колесницы. Создается впечатление, что эта лошадь предназначалась для упряжи в колеснице, но не исключено, что она могла быть использована и для верховой езды. На последнее, может быть, указывает изображение лошади на рис. 6, вероятно, той же породы, со специальным образом подстриженной и убранной гривой (султанчики) и треугольной конструкцией на спине, возможно, являющейся седлом. Она находит аналогии в изображениях Саймалы-Таша (12. С. 20. Рис. 10).

В целом эти изображения лошадей, сходные и по манере, и по стилю, и по технике исполнения, находят аналогии среди широкого круга памятников бронзового века (13. С. 73; 22. Рис. 1, 12; 23. С. 186–202).

В иной манере, точечной техникой, без дальнейшей проработки резцом, показана пара крупных тяжеловесных лошадей на рис. 4. Общий сюжет композиции (наличие крытой повозки) подчеркивает их особую породу, предназначенную для перевозки тяжестей, и хождение в тяжелых транспортных повозках. Подобные изображения лошадей широко представлены на петроглифах Средней и Центральной Азии (3. С. 70–76; 12. С. 27. Рис. 10; 14. С. 140–159).

Итак, на плитах могильника Хара хая пред-

ставлены две породы лошадей: грациозные боевые кони, используемые для верховой езды и в упряжи колесниц, и тяжелые, мощные лошади, впряженные в крытые повозки.

И наконец, к домашним животным относится изображение "лающей" собаки на рис. 4. Подобные животные встречаются на многих петроглифах в различных регионах страны (13. С. 58–79; 24. С. 130–136).

Последнюю группу составляют дикие животные. Среди них особого внимания заслуживают изображения бегущих горных козликов. На плитах могильника Хара хая встречены три фигуры этих животных: первый козлик движется по направлению к ритуальной колеснице и мертвому человеку (см. рис. 7), пара следующих показана в стремительном беге, друг над другом (см. рис. 9). Изображения диких козликов, подобные харабаинским, широко представлены на петроглифах Средней и Центральной Азии (13. С. 73; 25. С. 55; 26. С. 389; 27. С. 76; 28. С. 78; 29. С. 140–146) и являются отличительным признаком эпохи бронзы.

В двух случаях на плитах могильника оказались хищники кошачьей породы. Наиболее четко показан этот зверь у колеса крытой повозки (см. рис. 4, 5), тогда как изображение другого сохранилось лишь частично (см. рис. 3). Судя по последним исследованиям, подобные хищники достаточно часто встречаются на петроглифах II тысячелетия до н.э. (13. С. 75; 14. С. 140–159).

И наконец, последнюю группу составляют три крупных массивных животных неопределенной породы. Лучше всего сохранились два изображения: в первом случае на плите с двумя боевыми колесницами и распряженной лошадкой (см. рис. 1), а во втором – рядом с оседланной лошадью (см. рис. 6).

И колесницы, и повозки, и животные с харабаинских плит образуют несколько композиций.

Среди них особого внимания заслуживает сюжет с двумя распряженными боевыми колесницами разных типов, лошадью между ними и крупным животным неопределенной породы, как бы "нависшим" над колесницами (см. рис. 1).

Не менее интересна вторая композиция, которая передает изображение мертвого (обезглавленного) человека перед ритуальной колесницей с двумя платформами и устремленного к нему горного козлика (см. рис. 7).

На третьей композиции представлены тяжеловесные лошади и собака, а в некотором отдалении распряженная крытая повозка с силузтом маленького хищника кошачьей породы у колеса (см. рис. 4).

Интересна небольшая композиция с оседланной лошадью без всадника и крупным животным неопределенной породы (см. рис. 6). И наконец, последняя композиция, обнаруженная на плитах покрытия, – это пара бегущих горных козликов (см. рис. 9). Следует напомнить и сюжет со стенки погребального ящика – это распряженная погребальная колесница, с двух сторон которой изображены жертвенные лошади и горный козлик в правом развороте в замкнутом пространстве, которое пересекает колесница (11. С. 166–168).

Интересно отметить, что на всех плитах могильника Хара хая колесный транспорт показан в состоянии покоя. Подобное изображение колесниц и повозок – редкое явление для эпохи бронзы, однако аналогии им найдены на петроглифах и Хакасии, и Монголии (3. С. 78–80; 14. С. 140–159).

В целом изображения из могильника Хара хая, как было показано выше, находят близкие аналогии среди петроглифов Передней, Средней и Центральной Азии II тысячелетия до н.э. и, несомненно, могут быть отнесены к памятникам того же круга.

Однако все плиты могильника Хара хая – это петроглифы особого типа, так как они несут двойную нагрузку: с одной стороны чисто функциональную – служат составными частя-

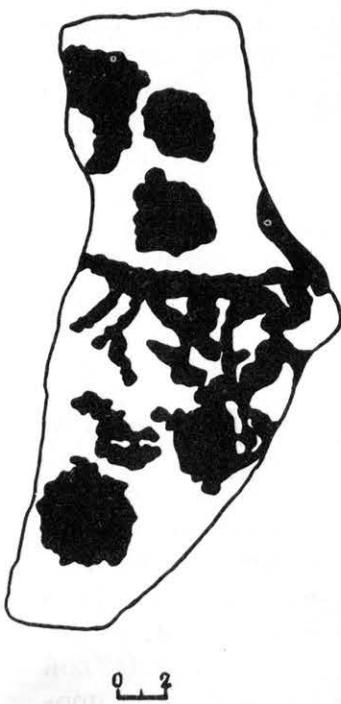


Рис. 8. Общий вид плиты XII

(рис. 7), пара следующих показана в стремительном беге, друг над другом (см. рис. 9). Изображения диких козликов, подобные харабаинским, широко представлены на петроглифах Средней и Центральной Азии (13. С. 73; 25. С. 55; 26. С. 389; 27. С. 76; 28. С. 78; 29. С. 140–146) и являются отличительным признаком эпохи бронзы.



Рис. 9. Общий вид плиты XV

ми наземных и подземных погребальных сооружений, а с другой стороны – ритуальную, представляя изображения с запечатленными на них сюжетами, раскрывающими определенное мировоззрение племен карасукской эпохи, связанное с погребальным обрядом.

К сожалению, наземные погребальные сооружения могильника Хара хая сильно пострадали и от времени, и от грабителей, поэтому в настоящее время нельзя определить, как выглядела каменная конструкция, составленная из плит с изображениями, и в каком порядке они располагались над погребением. Можно лишь с уверенностью утверждать, что остатки этого сооружения в виде многочисленных массивных плит, в том числе и с изображениями, были сосредоточены у северо-восточной стороны каменного ящика и занимали значительное пространство внутри оградки.

Следует также отметить, что хааханские плиты с изображениями не являлись плитами “вторичного использования”, т. е. петроглифами, сбитыми со скал или взятыми из разрушенных погребений и помещенными в погребальные ямы в качестве строительного материала (30. С. 175; 31. С. 30–31; 32. С. 262). Так, плита IV, являвшаяся торцовой стенкой каменного ящика, вероятно, была специально подготовлена для обряда погребения, может быть, вырублена древними мастерами со скал Хара хая, у подножия которых располагался могильник, так как изображенная на ней композиция находилась в ногах погребенного, была обращена к его лицу и, очевидно, несла определенную смысловую нагрузку (11. С. 166–167).

Все вышеизложенное дает возможность отнести изображения на плитах могильника Хара хая к *погребальным петроглифам* и выделить среди такого вида археологических источников, как петроглифы, не только тип наскальных изображений, встречаемый в гротах, пещерах и т. п., но и тип, пока еще небольшой и сравнительно мало изученный, *погребальных петроглифов*, встречаемый на плитах наземных (оградки, покрытия погребений) и подземных (каменные ящики) погребальных сооружений.

Несомненно, что плиты с изображениями из могильника Хара хая несут особую смысловую нагрузку, а расположение плит и сюжеты на них продиктованы регламентом погребального обряда, мировоззрением племен и особым отношением к погребенному. К сожалению, мы не знаем, как изображения располагались в

наземной части погребальной конструкции, но несомненно то, что они связаны одним сюжетом и отражают события реальной жизни. Возможно, начало или конец каких-то событий (поход или сражения) запечатлен на композициях с двумя боевыми колесницами и крытой повозкой. Совершенно иного порядка две другие композиции, отражающие ритуальные действия, – это колесница с двумя платформами и мертвым человеком и оседланная лошадь с определенным образом убранной гривой. Обращает на себя внимание тот факт, что все изображения статичны, отсутствие движения как бы подчеркивает связь изображений с прекращением существования погребенного человека в этом мире. Не случайным кажется и само распределение плит с изображениями *над* (см. рис. 1–9) и *под* землей (11). Таким образом, вероятно, передана идея деления окружающего пространства на несколько миров. С подземным миром связан убитый и погребенный человек, а на плите каменного ящика показаны предметы, которые сопровождали его в подземный мир – погребальная колесница, жертвенные лошади. Символом смерти и дальнейшего существования в потустороннем мире, может быть, служит и изображение стоящего горного козлика в замкнутом пространстве. Этот мир закрыт и существует только для мертвых.

Совершенно по-иному могут трактоваться события, изображенные на плитах покрытия погребальной камеры, – это мир иной, мир оставшихся жить соплеменников, отдающих должное погребенному воину-колесничему, мир, связанный с реалиями повседневной жизни, где в камне запечатлены события, рассказывающие о жизни и смерти погребенного. Одновременно это и определенное видение третьего мира, связанного с космосом, с культом солнца и вечного движения, символом которого являются изображения бегущих горных козликов.

Изображения на плитах могильника Хара хая – это своеобразная летопись в камне, которая раскрывает мировоззрение племен Среднего Енисея эпохи развитой и поздней бронзы через призму погребальных петроглифов, а также, возможно, дает представление о начале сложения героического эпоса и последующих мифологических сюжетов скифской эпохи на примере жизни и смерти воина-колесничего карасукского времени.

1. Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
2. Сунчугашев Я.И. Есинский поминальный памятник карасукской культуры // СА. 1971. 2.
3. Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопр. археологии Хакасии. Абакан, 1980.
4. Кызласов Л.Р. Карасукский могильник Хара хая // СА. 1971. 3.
5. Филиппова Е.Е., Эртюков В.И. О работе карасукского отряда // АО 1972 г. М., 1973.
6. Филиппова Е.Е. Раскопки могильника Хара хая // АО 1973 г. М., 1974.
7. Филиппова Е.Е. Погребальные сооружения могильника Хара хая (Из раскопок 1972–1973 гг. // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
8. Филиппова Е.Е. Новые находки в карасукском могильнике Хара хая // Вопр. археологии Хакасии. Абакан, 1980.
9. Филиппова Е.Е. Изображения на плитах могильника Хара хая // Тез. докл. на III всесоюзной конференции по проблемам скифо-сибирской археологии. Кемерово, 1989.
10. Антропологические исследования проведены И.В. Перевозчиковым в Институте антропологии МГУ.
11. Филиппова Е.Е. Погребальная колесница из могильника Хара хая // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
12. Шер Я., Голендухин Ю. Колесницы Саймалы-Таша // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
13. Дэвлет М.А. Ареалы наскального искусства Северной Азии // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988.
14. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989.
15. Кожин П.М. Гобийская квадрига // СА. 1968. 3.
16. Кожин П.М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
17. Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатolia. М., 1985.
18. Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатolia.
19. Филиппова Е.Е. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из могильника Хара хая // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 1992.
20. Кожин П.М. О глиняных моделях колес из Балановского могильника // СА. 1966. 4.
21. Кожин П.М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
22. Рыгдылон Э.Р. Об изображениях у дер. Маткечик // Изв. Всесоюзного географического общества. М., 1955. Т. 87, № 6.
23. Рыгдылон Э.Р. Писаницы близ оз. Шира // СА. 1959. XXIX–XXX.
24. Новоженов В.А. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности (По материалам памятников наскального искусства) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР.
25. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952. 2.
26. Грач А.Д. Петроглифы Тувы // МАЭ. 1957. XVII.
27. Медоев А.Г. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. Алма-Ата, 1961. 12.
28. Мариковский П.И. Наскальные рисунки гор Кульджабасы // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. 12.
29. Маннай-оол М.Х. Древнее изображение горного козла в Туве // СА. 1967. 1.
30. Вадецкая Э.Б. Изображение зверя-божества из Хакасии // МИА. 1965. 130.
31. Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967.
32. Вадецкая Э.Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.